

Книга «ГУЛАГ. История» американской журналистки Энн Эшплбаум, работавшей над ней семь лет, вышла в Нью-Йорке в 2003 году и в 2004-м получила Пулитцеровскую премию. Русская версия «ГУЛАГ. Паутина Большого террора» издана Московской школой политических исследований в 2006-м. В данном — втором — издании тираж удвоен (3000 экземпляров), появился указатель (он значителен — на 17 страниц), убран добавленный в первом издании подзаголовок. Сегодня книга воспринимается как еще более востребованная, чем десять лет назад.

Энн Эшплбаум в предисловии вспоминает, как в Праге, на Карловом мосту, в «живописно-сувенирном месте», ее поразил успех у туристов (преимущественно американцев и западноевропейцев) атрибутов советской власти (фуражек, пряжек, знаков различия, значков с Лениным и проч.). В чем причины отсутствия неприятия сталинизма, массового безразличия к трагедии европейского коммунизма? Чем обусловлено «искушение оправдывать сталинские преступления в такой мере, в какой никогда не стали бы оправдывать гитлеровские» (с. 18)?

Материалы о ГУЛАГе начали выходить в 1980-е. Российские историки и исторические общества публиковали истории лагерей, жизнеописания узников, списки погибших, пытались определить общее количество пострадавших от репрессий. Кропотливая работа, просеивание не одной тысячи документов, и — «Мемориал» составил первый справочник названий и местоположения всех известных лагерей, собрал огромный архив устных и письменных рассказов бывших заключенных. Результат как этого титанического труда, так и новых мемуаров, изданных в России и Америке, Израиле и Восточной Европе, послужил фундаментом книги.

Кроме того, Энн Эшплбаум использовала информацию советских архивов: стенограммы партийных собраний и документы из «особой папки» Сталина, документы из военных архивов, архивов лагерной охраны, местных архивов Петрозаводска, Архангельска, Сыктывкара, Воркуты, Соловков и др. Архив ФСБ (бывший архив КГБ) остался для нее недоступным.

В совокупности эти источники позволили автору писать по-новому. Уже не было необходимости сталкивать версии диссидентов и правительства, можно было дать слово многим: заключенным разных категорий, отбывавшим разные сроки в разное время, сотрудникам «органов», охранникам.

В книге — история советских лагерей со времен их возникновения в годы большевистской революции, последующего превращения в важную часть советской экономики, частичного демонтажа после

смерти Сталина и наследия ГУЛАГа — лагерей для политзаключенных и уголовников в 1970—1980-е. Энн Эплаум пишет из 2000-х, и этот больший временной охват (включая видение современных тенденций мирового развития) отличает ее книгу. Она — исследователь, принадлежащий к англо-американской культуре (с 2006 года живет в Польше). В то время, когда она работала над книгой, у нее родились двое детей. Она пишет с точки зрения западного человека, смотрит на происходящее взглядом историка. При всей тщательности исследования (примечания и библиография занимают более 80 страниц), книга написана на языке журналистики — для широкой публики.

Первая и третья части книги построены хронологически. Они последовательно описывают развитие лагерной системы. Первая часть рассказывает о возникновении ГУЛАГа (1917—1939 годы). В ней шесть глав (все главы в книге предельно насыщены информацией, при этом компактны — страниц по пятнадцать-двадцать).

«Большевистское начало». За три недели до Октябрьского переворота Ленин набрасывал в общих чертах программу «трудовой повинности» для капиталистов и богачей (с. 42). К концу 1919 года в России был 21 зарегистрированный лагерь, к концу 1920-го — 107 (с. 46).

«Первый лагерь ГУЛАГа». Летом 1920-го на Соловецкий архипелаг с его суровыми природными условиями начали прибывать заключенные — под «власть соловецкую», «которая была смесью преступного пренебрежения и бессистемного насилия» (с. 58).

«1929 год: “Великий перелом”». В декабре 1927-го в ведении спецотдела ОГПУ было 30 000 заключенных, в 1930-м — 300 000. «Сталин предложил своей тайной полиции “соловецкую модель” концлагерей, Сталин очертил круг жертв — и его подчиненные рьяно взялись за дело» (с. 89).

«Беломорканал». Строительство отличалось всеобъемлющим хаосом, колоссальной спешкой и — отсутствием насущной необходимости в водном пути от Балтийского до Белого моря.

«ГУЛАГ расширяется». В 1934 году возникают новые лагеря: на Колыме, в Республике Коми, в Сибири, в Казахстане, в Узбекистане.

«Большой террор и после него». 1937 год стал водоразделом: лагеря «превратились из индифферентных мест заключения, где люди гибли из-за случайностей или халатности, в подлинные лагеря смерти, где людей намеренно убивали пулей или непосильной работой в гораздо большем количестве, чем раньше» (с. 123). К концу 30-х годов любой крупный населенный пункт — от Актюбинска до Якутска — имел собственный лагерь или колонию. Система сформировалась.

На этом прискорбном факте хронология на время прерывается. Вторая глава посвящена лагерной жизни и построена по тематиче-

скому принципу. Здесь двенадцать глав «хождений по мукам»: Арест; Тюрьма; Этап, прибытие, сортировка; Лагерная жизнь; Груд в лагерях; Наказание и награды; Охранники; Заключенные; Женщины и дети; Умирающие; Стратегии выживания; Бунт и побег. В процессе чтения наиболее частые параллели и ассоциации — с Адом Данте, системой рабовладения, немецкими концлагерями. Вопиющая трагедия переплетена с чудовищным абсурдом: «...подавляющее большинство советских лагерников проходило через следствие (пусть оно и было поверхностным) и суд (пусть он и был фарсом), который выносил приговор (пусть это и занимало меньше минуты)», с. 150). «Татьяну Окуневскую, популярную киноактрису, арестовали, как она считала, за отказ стать любовницей Виктора Абакумова, возглавлявшего с 1943 года советскую контрразведку. Чтобы она поняла истинную причину, ей, утверждает она, показали лист бумаги с надписью “Вы подлежите аресту” и подписью Абакумова. Четверо известных футболистов и тренеров — братья Старостины, арестованные в 1942-м, пострадали, по их мнению, из-за успехов их команды “Спартак”, раздражавших Лаврентия Берия, который болел за “Динамо”» (с. 153).

Иногда ощущение абсурда усиливается от исследовательской беспристрастности иностранного автора: «Формально Шаламов не прав. Дезинфекция не была задумана как способ пытки...» (с. 223).

У Энн Эпплбаум появляются темы, касаться которых было не принято: принудительный секс в лагерях, массовые изнасилования уголовниками и нежелание охраны пресекать подобные преступления, гомосексуализм, суицид. Табуирование для нее неорганично, о чем свидетельствуют комментарии, например: «Дело, возможно, в том, что гомосексуализм по-прежнему остается в русской культуре частичным табу и люди предпочитают о нем не писать» (с. 322).

Исторический очерк уступает место хронологии. Третья часть — о подъеме и упадке ГУЛАГа в 1940—1986 годах. В ней — девять глав: Война; «Чужие» (об иностранцах в лагерях); Амнистия и после амнистии; Зенит лагерно-производственного комплекса («сорок девятый год — родной брат тридцать седьмого» — Е. Гинзбург, с. 461); Смерть Сталина (с последовавшими активными преобразованиями Берии и — снова стагнация); Революция зеков; Оттепель и освобождение; Эпоха диссидентов; 1980-е годы: дробятся монументы.

Эпилог «Память» тревожный. Энн Эпплбаум обращает внимание на то, что в России не было публичных разбирательств, парламентских слушаний, официальных расследований массовых убийств, репрессий и лагерей; «память о прошлом не составляет живую часть общественного разговора» (с. 564). «Нежелание признавать и обсуждать историю коммунистического прошлого, не-

желание раскаяться камнем висит на шее у многих народов посткоммунистической Европы» (с. 566). В России груз прошлого ощущается как нигде и политические последствия слабой исторической памяти много тяжелее, чем в других посткоммунистических странах (с. 567).

История мало чему научает, и это, по-видимому, самый болезненный нерв книги. Первое упоминание о ссылке в российском законодательстве датируется 1649 годом. Уже тогда ссылали не только за убийства, но и за пользование нюхательным табаком, за гадания. Ссылку (в том или ином виде) испытали на себе многие российские мыслители и писатели. Те, кто не испытал, мучительно размышлял о судьбе ссыльных. Вспомним Чехова до отъезда на Сахалин: «Из книг, которые я прочел и читаю, видно, что мы сгноили в тюрьмах миллионы людей, сгноили зря, без рассуждения, варварски; мы гоняли людей по холоду в кандалах десятки тысяч верст, заражали сифилисом, развращали, размножали преступников <...> но нам до этого дела нет, это неинтересно» (с. 27). Это было написано в 1890 году. В XX веке речь шла уже о десятках миллионов. Хотелось бы, чтобы оценка автора реальности XXI века оказалась ошибочной: «Мало, очень мало людей в нынешней России воспринимает прошлое как бремя и как обязательство. Прошлое — дурной сон, который хочется забыть, или насплетанные слухи, на которые не хочется обращать внимания. Как огромный неоткрытый ящик Пандоры, оно ждет следующих поколений» (с. 570).

Сильное впечатление производят эпитафии — из «Реквиема» А. Ахматовой и «Записок из Мертвого дома» Ф. Достоевского, «Воспоминаний» Н. Мандельштам и Д. Лихачева, стихотворений А. Твардовского и О. Мандельштама, стихотворений и песен заключенных. При чтении почему-то вспоминаются строки из современной поэзии, Наты Сучковой, например: «За железными засовами что ни век — идет война, / Ненаглядные пособия, монохромная страна».

В 2012 году Энн Эпплбаум выпустила следующий бестселлер — «Железный занавес. Подавление Восточной Европы в 1944–1956 годах». В 2015-м он вышел на русском языке.

Людмила ЕГОРОВА

Вологодский государственный университет